

На следующий день.

Утреннее солнце, медленно озарявшее предрассветное небо, рассеяло тьму, полоснув по ней золотыми лучами, которые медленно, запутавшись в ветвях деревьев, стали танцевать на зелёной листве. С наступлением утра в ущелье стали раздаваться весёлые трели птиц, прогоняя сладкий сон с век Фэн Мина и заставляя того проснуться.

— Болит... — сорвалось с губ. Резкая боль охватила тело едва пробудившегося князя, который уже прибывал не в настроении и не мог толком понять, что же его разбудило — щебет птиц или острая боль после страстной ночи.

Тело болело так, будто его, князя Мина, избил целая толпа здоровенных верзил. Казалось, каждая косточка была сломана и собрана заново, и все нервы единодушно «протестовали» против прошлой ночи.

— Болит?

— Очень... — пожаловался Фэн Мин, открывая тусклые глаза и обнажая жалобный вид.

Но больше всего болело место пониже спины, подвергшееся различному вторжению со стороны Жун Тяня, каждый цунь изнутри и снаружи «причитал» от безумного истязания.

Ну почему после такой страстной ночи всегда оставалась лишь эта нестерпимая боль? А наслаждение на утро исчезло без следа[1]?

Хочется удовольствия, то нужно заняться сексом, принося боль пятой точке... замкнутый круг.

В эту минуту огромная и горячая ладонь Жун Тяня легла на лоб Фэн Мина.

— К счастью, температуры нет. — Этот прославленный стойкостью изумительный император Силэй, конечно, тоже вкусил последствия своей необузданности и сейчас чувствовал усталость от ночной физической нагрузки. После недолгого молчания молодой мужчина внезапно спросил: — Откуда взял лекарство?

На что князь неестественно ответил:

— Какое лекарство?

— Которое ты подсыпал в вино.

— Э...

— Кто тебе его дал? — вновь спросил Жун Тянь, снисходительно глядя на него.

Под таким пристальным взглядом не у каждого хватит смелости спорить и отнекиваться.

Фэн Мин медлил, но вскоре вздохнул, словно решаясь и признался:

— Я попросил у принца Юн И.

— Зачем?

Но князь внезапно замолк

Вчера, когда Жун Ху уже привезли в лагерь, Фэн Мин незаметно попросил Юн И дать ему сильнейший афродизиак, который вскоре подсыпал в вино.

Неизвестно что заставило его действовать так изощрённо. Возможно, увидев, как Жун Тянь поднимает обгоревшую кость из горстки пепла, он, князь, сразу решил, что должен что-то сделать и как-то утешить опечаленного императора.

Лёжа плечом к плечу с Жун Тянем, он посчитал, что слишком сильно переживает. Но, проснувшись глубокой ночью и не увидев рядом императора Силэй, он понял — не зря переживал.

Однако Фэн Мин был счастлив проснуться во время и отыскать Жун Тяня, подавляющего печаль в безмолвье, и хоть ценой за утешение была боль, которая неизвестно сколько могла продлиться, князь всё равно был счастлив.

— Почему действовал безрассудно? Неужели не смог придумать более умного решения? — Большая и тёплая ладонь Жун Тяня, что продолжала лежать на лбу Фэн Мина, стала почти обжигающей.

Князь отчётливо помнил вчерашнюю сцену при лунном свете. Стоящего у свежей могилы Мэй Цзи Жун Тяня, чей сильный силуэт, казалось, навсегда врезался в память.

И сейчас, чувствуя любовь и почти укоризненный взгляд императора Силэй, Фэн Мин был тронут до глубины души и счастлив как никогда прежде.

Лёжа в постели, усталый князь поднял взгляд.

— Согласен, это было глупо и спонтанно, но я... — стараясь перетерпеть охватывающую его боль, Фэн Мин свёл брови к переносице и продолжил, изредка запинаясь: — Я ничего тогда не

мог придумать... — И князь медленно отвернулся, пряча лицо от взгляда молодого мужчины.

Однако ему никто не позволил этого сделать. Жун Тянь, взяв кончиками пальцев за подбородок, повернул его лицо обратно к себе.

— Продолжай, — мягко приказал император.

— Я уговаривал время идти чуточку быстрее, просто чтобы пережить вчерашнюю ночь, — сказал Фэн Мин и уставился на Жун Тяня. Они оба смотрели друг на друга до тех пор, пока князь снова не отвёл свой взгляд.

— Прости меня, — из груди вырвался тяжёлый вздох. — Признаю, мой метод глуп и старомоден. «Кроме того... Порочен».

«Понимаю, такой император, как ты, скорее предпочтёт путь горести и страданий, чем станет заниматься самообманом. Прости меня».

Он, князь, хотел использовать вино как афродизиак, своё тело — как приманку, а безудержную страсть — как лекарство, которое помогло бы Жун Тяню забыться и скрыть боль утраты.

Это — глупая мысль глупца князя Мина, который ничего больше придумать не смог.

«Всё потому, что не мог смотреть на тебя и притворяться, что это меня не касается. Не мог спокойно переживать эту лунную ночь».

Ночь, когда умерла Мэй Цзи, тебя терзали совесть и раскаяние, которые, словно ядовитые змеи, впивались в твою душу и мучили тебя. Это не продлилось бы одну ночь, а моё сердце и полночи не выдержало, разбилось бы, чувствуя твою боль».

Утреннее солнце с восточной стороны долины становилось всё ярче, озаряя землю и пробуждая ото сна каждый её уголок.

Оно разбудило людей, и лагерь начал оживать. Разнообразные звуки постепенно заполняли собою тишину. Отовсюду доносились журчание воды, треск дров в разгорающемся костре и молодые голоса солдат, которые о чём-то весело и оживлённо переговаривались.

Но, несмотря на весь этот шум, в палатке у источника по-прежнему царил тишина.

Всё так же лёжа в кровати, Фэн Мин неожиданно вздрогнул. Что-то тёплое коснулось тела и, скользнув по спине, обвилось вокруг талии.

Он подумал, что, должно быть, Жун Тянь решил его обнять, притянуть к себе и утешить. Но Жун Тянь этого не сделал.

Наоборот, обвив стан князя, император Силэй мягко опустил голову и приложил ухо к груди Фэн Мина.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Слушаю твоё сердце.

Такое ребячество со стороны императора Силэй только рассмешило князя:

— Ну и что же оно говорит?

— Оно говорит, что князь Мин — глупыш, князь Мин — глупыш...

От этих слов улыбка померла, и Фэн Мин загрустил.

Жун Тянь внимательно слушал сердцебиение любимого феникса, а через некоторое время вновь прошептал:

— А ещё оно говорит, что князь Мин стал глупышкой из-за одного глупца, который в сто раз глупее его. — Сведя густые брови к переносице, словно что-то ему не давало покоя, Жун Тянь продолжил: — Плохо дело, два глупца встретили друг друга, что же делать?

Фэн Мину было не легко рассмеяться над шуткой Жун Тяня, ведь всё его тело охватывала невыносимая боль. Князь пробормотал:

— Если ты глупец, то тогда на земле не осталось ни одного умника. — Просто и долго уставившись на молодого мужчину, Фэн Мин с трудом поднял руку и мягко похлопал Жун Тяня по затылку. — Так что, господин умник, в следующий раз моя очередь быть сверху. Смотри, не забудь.

Но не успели они выяснить важный вопрос «кто же из них будет сверху в следующий раз», как снаружи донеслись милые и звонкие голоса. Затем шторка внезапно поднялась, впуская тёплые лучи солнца, и на пороге появились две изящные фигурки.

— Князь Мин проснулся? Ой, и Ваше Величество тоже уже на ногах.

Цю Юэ и Цю Син вошли в комнату, держа в руках таз с тёплой водой, которую набрали в источнике, и с парой махровых полотенец. С улыбкой на губах девушки прошли немного

вперёд, поставили таз и опустились на колени, приветствуя господ.

— А где Цю Лань? — странно спросил Фэн Мин.

Ожидая, пока Жун Тянь умоется, Цю Юэ проговорила:

— Цю Лань ушла перевязывать Жун Ху, потому что у Ле-эра обе руки левые[2]. Вот Цю Лань и распереживалась насчёт перевязки.

Только девушка замолчала, закончив предложение, как на пороге внезапно появилась ещё одна фигура и громко заговорила:

— Ха! Не успело утро как следует настать, а за моей спиной уже разносят сплетни! Ну, сплетницы, что сочиняют про меня всякую чушь, на этот раз я поймал вас! — И вслед за этими словами в комнату вошёл радостный Ле-эр.

Сёстры раздражённо посмотрели на него и проговорили в один голос:

— Что значит «за твоей спиной уже разносим сплетни»? Мы и в глаза можем тебе сказать, что у тебя неумелые руки и косящие ноги, глупый Ле-эр...

— Ай, больно! Больно!

Ожидая, когда девушка закончит мыть ему локти влажным махровым полотенцем, Фэн Мин закричал и Цю Син, которая как раз «обвиняла» Ле-эра, на полуслове остановилась, едва не потеряв сознание и с тревогой пролепетала, глядя на князя:

— Что? Что такое? Где болит? — Даже Цю Юэ, покинув улыбающегося императора, бросилась к Фэн Мину. Взяв руку, сёстры тщательнейшим образом осмотрели её. — Где у Вас болит? Здесь? Или где-то ещё?

Князь был крайне смущён.

На самом деле Цю Син, ругаясь с Ле-эром, потянула князя за руку, тем самым слегка наклоняя и причиняя его телу нестерпимую боль. Сделай служанка это в обычное время — князь ничего не почувствовал бы, но сейчас, когда место пониже спины подверглось «многочисленным атакам», отзывалось болью даже при малейшем движении.

— Князь Мин, Вам плохо? — в недоумении промолвили сёстры. — Просим Вас, скажите нам, где болит? Может, позвать врача? Он Вас осмотрит и скажет, что у Вас болит.

— Приглядиись внимательнее, кажется, Его Светлости нездоровится.

— Ничего страшного, — замахал руками Фэн Мин, останавливая расследование двух служанок. Ему пришлось немного повозиться, чтобы натянуть на себя одеяло, после чего проговорил: — Я в полном порядке. Просто мне нужно немного поспать. Прошу, не тревожьте меня. — Проговорив это, князь лёг обратно в постель и закрыл глаза, притворяясь спящим, чтобы девушки перестали задавать ему лишние вопросы.

Увидев возлюбленного таким разбитым, Жун Тянь ужасно расстроился.

После вчерашнего вина его охватила страсть, и молодой мужчина словно сошёл с ума. Не чувствуя ничего, кроме своего желания, он буквально изнасиловал своего любимого феникса. Проснувшись рано утром, Жун Тянь первым делом начал мыть Фэн Мина и мазать его мазью и только тогда понял, насколько был груб с ним.

С таким застенчивым характером, как у Фэн Мина, он скорее умер бы, чем позволил Цю Син и другим слугам увидеть следы вчерашней ночи. Вместо того, чтобы заставлять князя притворяться, что ничего не случилось, лучше уж Цю Юэ и всех остальных выпроводить прочь, только тогда Фэн Мину полегчает.

И Жун Тянь немедленно приказал:

— Вы все можете идти, князю Мину нужно немного отдохнуть.

Как только они остались наедине, молодой мужчина подошёл и уселся на край кровати:

— Боль не даёт уснуть? Тогда просто лежи спокойно, я сам вытру тебе лицо. — И, закатав рукава, принялся обтирать его махровым полотенцем.

Услышав голос своего заботливого императора, Фэн Мин открыл глаза и постарался не двигаться, с радостью принимая помощь Его Величества, который вытерев лицо, вновь сказал:

— Ещё нужно вымыть шею сзади. Я аккуратно её протру, совсем чуть-чуть, и тебе станет легче.

Будучи таким же радостным, как и любимый феникс, Жун Тянь, тепло улыбнувшись Фэн Мину, действительно с аккуратностью выполнил свою обязанность.

В тот момент, когда Жун Тянь и князь наслаждались сладостью момента, в палатку вновь бесцеремонно ворвался малыш Ле-эр, и удивился, увидев, что Его Величество ухаживает за своим возлюбленным. Недоумевающий вопрос не заставил себя долго ждать:

— А почему Ваше Величество лично ухаживает за князем Мином? Позвольте мне это сделать.

— Зачем ты снова явился сюда? — спросил Жун Тянь, глядя на Ле-эра.

Подойдя ближе к Его Величеству, Ле-эр почтено взял из его рук полотенце. Опустив в воду, слуга смочил его, затем хорошенько отжал и принялся обтирать руку Фэн Мина, докладывая цель визита:

— Я пришёл сюда, чтобы спросить о дальнейших распоряжениях Вашего Величества. Ведь в той заварушке в ущелье нам удалось поймать генерала Тун Цзяньмина, который сейчас связанный сидит в повозке за палаточным лагерем. Может, Ваше Величество хочет ещё раз допросить его насчёт этого неблагодарного ублюдка — Тун-эра?

— Ле-эр, — нахмурившись, заругался Фэн Мин, — ты же такой воспитанный юноша, как ты можешь так говорить? Где твои манеры?

Ле-эр лишь высунул язык и с удивлением проговорил:

— Простите меня, Ваша Светлость. Стоит только подумать об этом негодяе, который сейчас занимает трон нашего императора, и я уже не могу сдержать злость.

В это время возле палатки выросла фигура генерала. Он хотел обсудить ряд вопросов, касающихся солдат, а так как Жун Тянь не хотел, чтобы кто-то входил и тревожил князя Мина, лично вышел поговорить с вновь прибывшим.

Воспользовавшись тем, что Его Величества пока нет рядом, Ле-эр наклонил голову, некоторое время смотрел на Фэн Мина и, растягивая губы в странной улыбке, проговорил:

— Не переживайте, князь Мин, я знаю всё о прошлой ночи.

Фэн Мин внезапно застыл:

— Что ты знаешь....

— Хи-хи, Вы просили у Юн И возбуждающее лекарство, как я мог не знать об этом? Ну, во-первых, наша палатка стоит не так уж и далеко от вашей. Во-вторых, я всю ночь не мог сомкнуть глаз. Поэтому, чтобы скоротать время, приглядывал за старшим братом. Да и шум легко можно было услышать. Не переживайте, эти дни я буду ухаживать за Вами, не волнуйтесь, я не скажу Цю Син и остальным.

Фэн Мину было так стыдно, что он покраснел аж до самых кончиков ушей:

— Что ты... слышал?

Не обращая внимания на реакцию Его Светлости, Ле-эр ответил:

— Ничего, лишь что-то вроде «достаточно глубоко или нет?».

Фэн Мину стало так стыдно, что он чуть не рухнул в обморок.

— Время для допроса тогда было неподходящим, лишь удалось спросить про Жо Яня и куда он отправился. А вот что сейчас творится в Силэй, нам пока неизвестно. Поэтому сегодня мне хочется лично его допросить, — и с этими словами на пороге выросла фигура Его Величества. Пройдя в палатку, мужчина резко остановился и внимательно посмотрел на Фэн Мина. — А что произошло? Почему ты весь красный?

— Ничего, — спустя долгое время князь, пряча лицо, вспомнил про ситуацию со вдовствующей императрицей и, приободрившись, спросил: — Тун Цзяньмин не рассказал что-нибудь о Её Величестве?

— Я его уже об этом спрашивал. Как мы и предполагали, ему ничего о ней не известно. Он сказал, что слышал только слухи, будто Её Величество прибыла в столицу. Однако его людям так и не удалось найти её и поймать. Сейчас им ничего не остаётся, кроме как следить за преданными мне министрами.

— А Тун-эр? Что, если его подозрения усилятся? — с тревогой в голосе проговорил Фэн Мин. — Ведь он тогда не пройдёт мимо чиновников, которые долгие годы верой и правдой служат императорской семье Силэй. Да и потом, разве эти чиновники не являются серьёзной проблемой для него? Он ведь не успокоится до тех пор, пока не убьёт их всех, и, когда ты приедешь в Силэй, у тебя почти не останется власти.

— Тун-эр всего лишь несколько дней на престоле, — уверенным тоном проговорил Жун Тянь, — поэтому он не осмелится уничтожить моих министров без каких-либо веских причин. Иначе он не стал бы ждать моего возвращения. Тун-эр не дурак и чувствует, что его власти приходит конец. Что ж, я пойду поговорю с Тун Цзяньмином, а ты, если чувствуешь себя неважно, ложись и поспи.

— Тун Цзяньмин знает, что творится в Силэй, — немного поразмыслив, проговорил Фэн Мин. — Допросив его, нам удастся узнать много чего интересного. Так что я тоже хочу поприсутствовать на допросе и послушать, что он тебе скажет. Ведь двое — это не один, что ускользнёт от одного, то не пройдёт мимо ушей другого. Ну и что, что мне плохо, думать-то я могу. И довольно неплохо.

Услышав логичные доводы своего любимого феникса, Жун Тянь кивнул головой:

— Ну хорошо, тогда просто сиди и слушай.

Подойдя ближе к кровати, император Силэй осторожно подтянул Фэн Мина к её изголовью и, подложив мягкую подушку ему под спину, придал почти вертикальное положение.

Удобно устроив юношу в постели, Жун Тянь развернулся и приказал Ле-эру отправляться за генералом Туном и привести его.

Ле-эр тут же помчался выполнять приказ Его Величества. Как только юноша выскочил из палатки, шторка снова приподнялась, впуская солнечный свет и до боли знакомую фигуру, что выросла на пороге. Мужчины были ошеломлены, увидев её.

— Ваше Величество, Вы что, прямо из столицы приехали сюда? — удивлённо и в то же время радостно проговорил Фэн Мин.

Жун Тянь тоже был счастлив увидеть матушку-императрицу. Сделав несколько шагов, сын поспешно подошёл к женщине и, выказывая сыновье почтение, протянул руку вперёд, помогая ей войти.

— Ваше Величество, должно быть, — проговорил он, — очень устала, пока ехала к нам. Прошу, присаживайтесь и отдохните с дороги.

Сама же вдовствующая императрица была одета в скромное национальное платье государства Силэй. Волосы были слегка запутаны, а весь её вид говорил о том, что женщина приехала только что.

Приняв с огромным почтением помощь Жун Тяня и опираясь на его руку, Её Величество сделала шаг вперёд. Пройдя в палатку, женщина опустилась на большой стул, что стоял в центре. Сама же вдовствующая императрица была явно чем-то встревожена.

— Я слышала, — задумчиво начала она, — что Ваше Величество поймал Тун Цзяньмина. Это правда?

— Да, это так.

— Очень хорошо, — сказала женщина. Сидя с благородной осанкой, она была больше похожа на величественную статую, от которой так и веяло пронзающим душу холодом. — Спрашивал ли Ваше Величество у генерала Туна, как Тун-эру удалось переманить придворных и аристократию Силэй на свою сторону и стать императором? — неожиданно спросила вдовствующая императрица.

Этот вопрос был веской причиной как можно скорее вернуться в Силэй .

Женщина замолчала, ожидая ответа. Но его не последовало. Вместо этого в палатке воцарилась звенящая тишина.

— У Тун-эра есть на что полагаться помимо императорского происхождения и военной мощи семьи Тун? — не выдержав, спросил Фэн Мин.

— Конечно же есть.

Вдовствующая императрица сильно изменилась в лице, и Фэн Мин смутно почувствовал недоброе.

— Тогда на что он полагается? — вновь спросил князь.

Императрица окинула Фэн Мина взглядом благородной женщины Силэй и сдержанно горько улыбнулась:

— Он полагается на предложенную императору князем Мином политику, которая способна пошатнуть устои моего Силэй.

— Предложенную мной? — взвизгнул Фэн Мин, не веря своим ушам.

— По правде сказать, — тяжело вздохнула императрица, — даже я признаю тот факт, что подобного действительно достаточно, чтобы заставить всех чиновников, которые были верны императорской семье на протяжении ста лет, чувствовать себя обиженными. Оглядываясь назад, можно сказать, что не без оснований Тун-эр смог взойти на престол после поспешного переворота.

— Матушке-императрице не стоит винить князя Мина во всём этом, — проговорил Жун Тянь глубоким голосом. — Хотя это предложение было выдвинуто князем Мином, политика устанавливается только императором. Даже если это ошибка, ответственность несёт за нее только император.

Что касается самого же князя, то у него в голове был сплошной бардак. Послушно облакачиваясь на спинку кровати и утопая в мягкости подушки, Фэн Мин перевёл непонимающий взгляд на Жун Тяня и промямлил:

— А эта политика... Ты не мог бы мне подробнее о ней рассказать?

Подумать только, даже напрягая мозги, он не мог понять причину случившегося.

За последние несколько лет, имея недостаточно знаний и молодость, он давал Жун Тяню более тысячи советов, некоторые были фантазиями, некоторые сказаны без раздумий, да и как он мог это всё запомнить?!

О, Небеса!

В конце концов, что это за ниспосланное с Небес предложение, которое неожиданно оказалось настолько серьезным, что могло пошатнуть устои Силэй?

В таком случае разве он не навлѣк беду на страну и народ?

В этот момент снаружи донѣлся голос Ле-эра:

— Ваше Величество, я привѣл к Вам генерала Тун Цзяньмина.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «без крыльев, а улетело» обр. в знач.: запропасться, потеряться, исчезнуть

[2] В оригинале фраза звучит как «неумелые руки и неуклюжие ноги» обр. в знач.: неловкий, неуклюжий, косолапый.

<http://bllate.org/book/13377/1190187>